

ДОКТОР НОННА

ЗОЙКА
МОЯ!

Доктор Нонна Зойка моя!

Серия «Житейские истории»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3432385
Зойка моя!: Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-50064-2

Аннотация

Зойка – зеленоглазая, хрупкая, яркая – своей необычностью пленяла всех мужчин. Даже отчим и сводный брат стали пленниками ее обаяния. Но чем больше представителей сильного пола восхищались ею, тем яростнее были проклятия женщин. Соперница, разлучница – такими эпитетами награждал ее слабый пол. И месть его оказалась сильнее Зойкиного шарма...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	30
Глава 6	37
Глава 7	44
Глава 8	48
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Доктор Нонна

Зойка моя!

В жизни, как в магазине, – свободный выбор и обязательный расчет.

М. Шнеерсон

Глава 1

Геннадий сидел за рулем своего автомобиля, безучастно смотрел на темную дорогу, освещенную фонарями, и думал... Мысли были заняты Зойкой, его маленькой девочкой, лежащей в больнице под капельницей. «Как такое могло произойти? – крутилось в его голове. – Как я мог это допустить? Почему просмотрел? Не обратил внимания? Ей всего 15 лет, она совсем ребенок. Откуда в ее умненькой светленькой головке взялись мысли, приведшие к анорексии?»

Ответ не приходил, и Гена продолжал сидеть в машине перед домом, не желая заходить туда, где нет Зойки. Уже в пятый раз звонил мобильный телефон, но мужчина игнорировал вибрирующую трубку, лежащую на пассажирском сиденье, – он знал, что это не дочь, а раз не она, значит, и не стоит отвлекаться...

Пошел снег. Сквозь крупные хлопья не было видно окон квартиры, в которых призывно и тепло горел свет, – там Гену

ждали жена, сын и няня... Но мужчине было не до них – он уносился в своих воспоминаниях в далекое прошлое...

Геннадий был счастливым студентом. Сразу после школы он, несмотря на протесты родителей, легко поступил в медицинский вуз и всерьез увлекся своей будущей профессией. Ему доставляло истинное наслаждение корпеть над учебниками, заниматься в анатомическом театре, вгрызаться зубами в фармакологию и размышлять над тем, какую специальность он выберет, когда подойдет время распределения. Любое направление медицинской деятельности приводило его в восторг, поэтому Гена метался, тем более что, в отличие от большинства студентов, он мог выбирать – любая кафедра была бы рада видеть в рядах своих выпускников его, Геннадия Покровского. Но чаще всего молодой человек пропал на кафедре общей хирургии, где проводил время с профессором Борисом Львовичем Потаповым за увлекательными беседами, спорами, изучением научных трудов и просто общением.

Об одном только жалел юноша, что не может жить в общезжитии, как другие студенты, потому что имеет московскую прописку. Родители Гены, известные оперные певцы, были категорически против выбора сына, так как считали, что только карьера певца может принести деньги, известность и другие блага земной жизни. Они вкладывали в мальчика все свои знания, но ребенок не оправдал надежд – он наплевал

на их мечты о продолжении династии и решил стать врачом. Почти каждый вечер, когда сын корпел над учебниками, в квартире раздавались причитания матери:

– Сынок, ты положишь шесть лет жизни на это образование! Юность – это лучшие годы, а ты тратишь их на разрезание трупов и копание в кишках!

Тут же подключался отец:

– Ты семью заводить думаешь? Ты как кормить своих детей собираешься? На гроши, которые будешь получать в больнице?

Мать привычно подхватывала слова любимого мужа:

– Ты же будешь сутками пропадать на работе! От тебя и жена сбежит, и дети узнавать перестанут!

А Гена, уткнувшись в учебник, захлопывал дверь своей комнаты перед носом певших дуэтом родителей и с раздражением думал: «Когда же вы отправитесь на гастроли?! Как вы мне надоели!»

Однажды чета Покровских уехала со спектаклями за границу и больше не вернулась: автобус, в котором находилась часть труппы театра, выехал на встречную полосу и врезался в мчащуюся фуру. Гена Покровский на третьем курсе института остался сиротой. Обезумевший от горя юноша после похорон не выходил из дома. Он сидел на кухне, курил сигарету за сигаретой в надежде, что они хоть чуть-чуть припят боль, разъедающую его душу, и винил себя в том, что

случилось. «Я же всегда хотел, чтобы их не было дома, чтобы они мне не мешали заниматься! И теперь мое желание исполнилось – их нет дома и уже никогда не будет! Зачем нужна эта дурацкая медицина, если она убила маму и папу?!»

И кто знает, может, и бросил бы Геннадий вуз, если бы вовремя не вмешался Борис Львович. Мудрый профессор терпеливо вытаскивал любимого студента из черной ямы, в которой тот оказался: он забрал Гену к себе в квартиру, которую ему выделил институт, водил с собой на лекции, заставляя вникать в материал, приводил в операционную, когда практиковал, и постепенно юноша оживал. Боль уходила, а ее место занимала сыновья любовь к этому одинокому мужчине, полностью отдавшему себя профессии.

Пришло время летних каникул, и Гена с удивлением узнал, что у Бориса Львовича есть в Иркутске семья: жена Екатерина Леонидовна, директор крупного ликеро-водочного завода, и дочка Верочка, школьница, мечтающая о карьере певицы.

– Но почему вы живете здесь, в Москве, а они в Иркутске? – удивился молодой человек, узнав, что тот, кто заменил ему отца, совсем не одинок.

– Видишь ли, мой юный друг, – с ухмылкой ответил Борис Львович, – медицина – это призвание, можно даже сказать, диагноз. Мне выпал шанс преподавать в московском вузе, оперировать в столичных больницах, и я не мог от него отказаться. А моя жена не смогла отказаться от своего дела. Ее

тоже можно понять – она в этот завод вложила столько сил, столько старания, что я решил не настаивать. А дочке в столь юном возрасте лучше все-таки быть с мамой, чем со мной, тем более что там ей обеспечена жизнь в более комфортных условиях. Поэтому мы живем в разных городах. Но каждый раз, когда мне удастся выкроить время, я лечу домой...

– Как удастся выкроить время? – переспросил Гена. – Не часто же у вас это получается. Я живу с вами уже больше полугода, а вы ни разу никуда не летали.

– Думаешь, я бесчувственный чурбан? – с вызовом спросил профессор Потапов. – Знай же, что я безумно люблю свою дочь и очень по ней скучаю, но здесь загибался от чувства вины мой лучший студент, и я просто не мог оставить его одного!

– Простите меня, – потупился юноша. – Я не хотел вас обидеть... Я просто не знал... Я вам благодарен... Если бы не вы...

– Да знаю я все, – перебил залепетавшего Гену Борис Львович. – Можешь не продолжать. Не люблю лишних слов.

– Все равно простите, – уже тверже сказал молодой человек. – Вы можете смело лететь в Иркутск. Со мной все будет в порядке. Я вас не подведу.

– И на том спасибо, – усмехнулся профессор и вернулся к монографии, которую читал.

Глава 2

Учеба подходила к концу, когда в семье профессора Потапова случилось несчастье.

После зимней сессии Борис Львович вместе с Геной полетели в далекий Иркутск. Это была уже не первая поездка молодого человека в семью учителя. Ему очень нравилось находиться в хорошо обставленном доме приютивших его людей: он с головой уходил в книги, долгие годы собираемые профессором, забывая про время, наслаждался общением с немного циничной, но очень остроумной Екатериной Леонидовной и умилялся Верочке, милой, чистой, нежной девочке, которая бесподобно пела, становясь в эти моменты божественно прекрасной. Так было всегда, когда Борис Львович брал с собой своего ученика, и сейчас, сидя в самолете, Гена предвкушал теплые семейные вечера, но все пошло не так.

Екатерина Леонидовна пропадала на своем заводе почти сутками – сложная ситуация требовала ее постоянного присутствия, а по вечерам, вымотанная донельзя, она принимала снотворное и сразу ложилась спать, чтобы на следующий день снова встать в пять утра. Борис Львович и жалел жену, и злился на нее.

– Катя, я могу хоть недолго побыть с тобой? – восклицал он. – Я скоро улечу, и мы снова не увидимся. И вообще, ты посмотри, на что похож наш дом! Он не теплый, не уютный!

А на дочь посмотри!

Верочка на самом деле внушала опасения: она почти не показывалась на глаза, не хотела никого видеть, плохо училась и странно выглядела. От ее нежной красоты не осталось и следа – она поправилась, лицо отекло, а походка стала тяжелой.

– А что Вера? С ней все в порядке, – на бегу отвечала Екатерина Леонидовна.

– Ты когда ее в последний раз видела, Катя? – кричал вслед жене профессор. Но в ответ получал торопливое:

– Милый, давай попозже поговорим. У меня встреча с адвокатом...

– Вот видишь, не только медицина – это диагноз, – обращался Борис Львович уже к Гене. – Она дочь не видела несколько месяцев...

И тут нехорошее предчувствие закралось в голову Потапова: «Несколько месяцев? Несколько месяцев назад с Верой все было в порядке? Не может быть!»

– Вера, – вскричал он и взбежал на второй этаж, – быстро открой дверь!

Мужчина хотел ворваться в комнату дочери, однако изнутри было заперто.

– Вера, открой мне! Я выломаю дверь, если ты этого не сделаешь!

Послышался щелчок, и в проеме показалось бледное испуганное лицо девушки.

– Ты ничего не хочешь мне объяснить, дорогая? – угрожающе произнес Борис Львович.

– Папочка, прости меня, – расплакалась Вера. – Я жду ребеночка...

В голове профессора все помутилось от гнева, и он впервые в жизни поднял на дочь руку. Нет, он не хотел ударить ее – он сам не понял, что именно произошло в тот момент. Но дочь, взвизгнув, увернулась от отца и бросилась из комнаты. Выпуклый живот, который она успешно прятала под расклешенными платьицами, делал Верочку неуклюжей – как маленький утенок, она вперевалочку побежала к лестнице. Профессор бросился за дочерью, схватил ее за руку, но девушка вырвалась. Вера потеряла равновесие, оступилась и с криком покатила вниз, прямо под ноги стоящему в гостиной Геннадию.

Ее тело распласталось на полу, на беленьком платьице увеличивалось большое кровавое пятно – Вера не двигалась. Борис Львович в растерянности стоял наверху и смотрел на лежащую без сознания дочь несколько секунд, показавшихся Гене вечностью. Нависла оглушающая тишина, и лишь стрелки часов равномерно отбивали ход.

Борис Львович вернулся из больницы белый как полотно. – Вера умерла, – севшим голосом сказал он Гене и тяжело опустился в кресло. Профессор поднял пустые глаза на своего студента, ставшего ему родным, и одинокая слеза скати-

лась по щеке. – Надо позвонить Кате...

Геннадий, не зная, как утешить, опустился рядом с креслом на пол и обнял колени учителя. Это было единственное, что мог придумать молодой человек, так как нужных слов подобрать не мог.

– Спасибо тебе, мальчик мой, – промолвил Борис Львович. – Спасибо, что ты у меня есть...

– И вам спасибо за то, что вы у меня есть. Я вас никогда не оставлю, – в слезах шептал Гена, и его сердце сжималось от сострадания.

– Надо заняться похоронами, – тихо сказал отец.

– А ребенок? Ребенок жив? – вдруг вспомнил юноша.

– Да, родилась девочка, но недоношенная. Она пока в инкубаторе. Врачи говорят, что ребенок будет жить.

– А что с ней будет? Она же ни в чем не виновата, эта девочка, – забеспокоился Гена. – Мы же даже не знаем, кто ее отец.

– Я знать не хочу того, кто посмел воспользоваться моей дочерью для удовлетворения своих низменных желаний, – выкрикнул Борис Львович и вскочил с кресла. – Подлец! Урод! Тварь!

Профессор начал метаться по комнате и хватать вещи, которые попадались ему под руку. Через несколько минут он успокоился, подошел к Гене, взял его за руку и усадил в кресло, на котором какое-то время назад сидел сам.

– У меня к тебе серьезный разговор, сынок, – начал про-

фессор и закашлялся.

Гена сидел молча и ждал, что скажет ему его наставник. Он боялся перебить его, потому что видел, что тот готовится произнести что-то важное.

Через некоторое время мужчина продолжил:

– Я тоже виноват в смерти моей девочки и никогда себе этого не прощу. За этот грех я буду отвечать перед Богом на небесах. Но ребенок, которого дочь носила под сердцем, не должен страдать из-за меня. Ни я, ни моя жена не можем стать ему настоящими родителями, но дитя должно остаться в нашей семье. У меня нет никого, кроме тебя, поэтому я хочу, чтобы ты стал отцом ребенка.

– А как же... – изумился Гена. Он меньше всего ожидал такого поворота событий.

– Будь добр, не перебивай меня, – прервал восклицание юноши мужчина. – Ты забираешь девочку и уезжаешь в Москву. Естественно, ты не справишься самостоятельно с новорожденной, поэтому мы найдем грамотную медсестру, умеющую обращаться с младенцами. Ты обязан окончить институт и получить диплом. Насчет работы не беспокойся – моих связей хватит, чтобы устроить тебя так, чтобы хватало времени на малышку. У моей внучки должно быть все – внимание, забота, ласка, если не материнская, то хотя бы отцовская.

– Но как же я смогу ей дать это? У меня никогда не было детей, я не знаю, что это такое – быть отцом, – взмолился

Гена.

– Ничего, научишься, – спокойно ответил Борис Львович. – Ты толковый парень. Но о карьере врача тебе, видимо, придется забыть, по крайней мере, на время. Пока она растет, она должна видеть отца – значит, никаких дежурств в больницах, срочных операций и прочего. Я не знаю, когда я вернусь в Москву, поэтому теперь ты останешься один.

Гена потянулся за сигаретой – эта информация никак не могла уложиться у него в голове.

– И кстати, никакого курения – на тебе теперь лежит огромная ответственность, значит, ты должен быть здоров.

Гена вытащил изо рта прикуренную сигарету и недоуменно посмотрел на профессора.

– Эту ты можешь докурить, но она последняя, так что наслаждайся, – спокойно произнес Борис Львович. – О деньгах не беспокойся, вы ни в чем не будете нуждаться. И главное – ребенок не должен знать правду о том, что случилось. Когда возникнут вопросы о матери, версия должна быть такая: вы очень любили друг друга, были мужем и женой, но она умерла при родах. Что касается женщин в твоей жизни, у тебя они могут быть где угодно, но только не дома. Мою дочь никто не заменит, а рядом с внучкой видеть постороннего человека я не желаю. Остальные детали мы решим позднее. На этом все, оставь меня. Мне нужно сообщить жене о случившемся.

Гена тяжело поднялся с кресла и прошел во двор – ему надо было обдумать то, что он услышал. Безусловно, отка-

зять профессору он не мог – слишком много этот человек сделал для него, но и взять на себя ответственность за чужого ребенка было страшно. Жизнь катилась под откос – младенец, невозможность построить свою семью, отказ от любимой профессии. Как это все принять? Как в самом начале жизни отказаться от всего, о чем мечтается пылким юношеским сердцем и пытливым умом? Геннадий закурил еще одну сигарету. «Да, знаю, свою последнюю сигарету я должен был выкурить там, в гостиной, – думал он. – Но я не могу так, в одну секунду, поменять все! Так не делается! Так нельзя – взять и изменить все!» Молодой человек начал злиться: он был напуган и растерян. Сигаретный дым успокаивал и приводил в некое оцепенение, и тогда душевная боль ощущалась не остро, а сквозь белесую пелену. Гена помнил, как в таком же оцепенении он пребывал после смерти родителей: помнил, как механические движения вводили в некий транс и при этом создавали подобие хоть какой-то деятельности, помнил, как легкие жгло от никотина и каждый вздох давался с трудом... И помнил, как пришел Борис Львович и твердой рукой вывел его из небытия. «Если бы не он, я бы погиб прямо там, на кухне, уронив голову в пепельницу, полную бычков, – продолжал мысли молодой человек. – Я обязан ему своей жизнью, он для меня как отец... Он понял мою боль, приютил меня, значит, так было нужно, значит, сама судьба так связала нас, чтобы сейчас я пришел ему на помощь. Я обязан это сделать – он моя семья... И Вера – моя

семья... Значит, и малютка – тоже моя семья. А если в семье горе, значит, нужно держаться вместе и помогать друг другу».

С этими мыслями Гена выбросил окурок, осознавая, что это и есть его последняя сигарета, и вошел в дом, где профессор сообщал страшные новости по телефону своей жене...

Глава 3

Через месяц Геннадий с маленькой Зоей на руках вернулся в Москву. С ним прилетела и медсестра Галина Павловна, простая, одинокая 54-летняя женщина, которая большую часть забот о крошке взяла на себя, потому что молодому человеку необходимо было окончить вуз и получить диплом. Началась новая жизнь.

Сказать, что было трудно, – значит не сказать ничего. Первые три месяца Гена с ребенком и няней жили в одной комнате университетского общежития, пока в квартире родителей шел ремонт. Борис Львович, отправляя молодого человека с внучкой в столицу, уже думал о том, что семье нужно хорошее жилье, поэтому присматривал квартиру, разговаривал с риелторами, что-то высчитывал и раздумывал и, наконец, нашел верное решение. Он выкупил квартиру соседей Гены, предложив им такую сумму, что те не смогли устоять, и затеял ремонт, придумав объединить площади и сделать уютный большой дом, чтобы никто из членов семьи не мешал друг другу.

В те три месяца Гена корпел над учебниками, писал диплом, помогал Галине Павловне с малышкой, мотался по магазинам, а глаза закрывались от усталости. Ребенок не вызывал в нем никаких эмоций, кроме раздражения. Усталость, груз ответственности, невозможность реализовать свои ам-

биции стали постоянными спутниками жизни молодого человека, а винил во всем он эту кроху, которая смотрела на него своими огромными черными глазами из детской кроватки.

И вот самый сложный этап жизни пройден – экзамены успешно сданы, диплом получен, ремонт в огромной квартире на Таганке закончен. Пришла пора начинать новую жизнь.

Геннадий открыл дверь в дом, где теперь ему предстояло жить с дочерью и няней. Высокие потолки, паркетные полы, дорогая мебель – все поражало воображение. «Сколько же Борис Львович вложил денег в этот дом, – размышлял молодой отец, держа на руках крохотную девочку в розовеньком комбинезончике. – Я никогда в жизни не расплачусь с ним за это».

– Добро пожаловать домой, – вдруг раздался зычный голос профессора откуда-то из глубины квартиры. – Добро пожаловать, сынок и внучка.

Борис Львович вместе с Екатериной Леонидовной вышли в просторную прихожую, чтобы встретить родных. Горе сплотило их, и теперь муж и жена держались вместе, даже не думая о том, чтобы снова зажить на два города, как это было раньше. Бабушка протянула руки и взяла девочку. Она души не чаяла в этом посапывающем комочке, с черными волосиками, черными глазками и нежными губками бантиком. Борис Львович повел Гену по дому: здесь была и спальня хо-

зяина, и детская Зои, и комната для няни, и кабинет, и шикарная гостиная, и просторная кухня, выполненная в стиле модерн. Здесь было все, чтобы семья ни в чем не нуждалась и не испытывала бытовых затруднений.

Галина Павловна осталась стоять в прихожей, пораженная увиденной красотой. Ей было даже неловко заходить внутрь, словно она по ошибке попала на бал и сейчас не знала, то ли тихонько уйти, чтобы не смущать хозяев, то ли все-таки осмотреть этот удивительный дом. Наконец любопытство победило, и женщина прошла в гостиную. Перед ее взором оказалась просторная комната, с мягкими коврами, лепниной на потолке, тяжелой добротной мебелью. Но больше всего женщину поразило огромное количество картин, висящих на стенах. «Как в музее», – выдохнула Галина Павловна и остановилась перед изображением двух влюбленных, которые, обнявшись и укрывшись от дождя одним зонтом, улета-ли в небо, оставив позади себя мир, полный ненастья. «Вот она, дорога любви к Господу, – вдруг подумалось няне. – Именно так должна выглядеть настоящая любовь. В доме, где есть такая картина, всегда будет мир и покой, всегда будет жить ласка, забота и тепло. И я тоже должна внести свой вклад в то, чтобы маленькую девочку, оставшуюся сиротой, всегда окружала доброта». И именно в этот момент Галина Павловна поняла, что этот дворец – теперь ее дом.

Прошло полгода. Геннадий, не без помощи Бориса Льво-

вича, нашел работу в медицинском журнале. Как ни странно, но новое дело увлекло его: молодой человек тонко чувствовал потребности читателей, обладал хорошим слогом, смело участвовал в научных конференциях, так как обладал очень хорошим багажом знаний, легко заводил нужные знакомства и даже иногда присутствовал на интереснейших операциях, подробности которых потом в доступной форме освещал на страницах издания. Гена быстро шел вверх по карьерной лестнице, оставляя позади многих заслуженных работников, но при этом он был настолько открыт, обаятелен и добр, что зависти его успех ни у кого не вызывал. Напротив, молодым журналистом восхищались: умный, сообразительный, всегда готовый прийти на помощь, да еще и в одиночку воспитывающий дочь. «Нет, вы представляете, – говорили о нем сотрудники, – жена умерла при родах, когда он еще был студентом, так он не отдал ребенка в детский дом, не сдал бабушкам и дедушкам, а оставил себе. Он же тогда институт еще не окончил. Столько самоотверженности в этом поступке!» «Да, – вторили другие, – и при этом такие знания у него, такой слог. Он такой умничка!» «А какой симпатичный», – вздыхали девочки-редакторы. В общем, Гена купался в обожании людей, с которыми ему приходилось сталкиваться ежедневно.

А дома молодой перспективный сотрудник медицинского журнала становился заботливым отцом. Когда время учебы в институте прошло, когда, наконец, он смог спать больше

трех часов в сутки, когда бытовые проблемы канули в Лету, Геннадий вдруг обнаружил, что в его душе зародилась отеческая любовь к девочке.

Молодой человек улыбнулся своему открытию, взял сидящую в манеже Зою, которая показывала свои первые зубки, и, поцеловав в нежные щечки, сказал: «Ну, здравствуй, дочка!» Галина Павловна ласково посмотрела на отца с ребенком и перевела взгляд на картину, где влюбленные улетаю́т на небеса: «Ну, наконец-то любовь пришла в наш дом».

Глава 4

Гена очнулся от своих мыслей, взял телефон, на экране которого горели все пропущенные вызовы от жены, и нашел в себе силы вернуться в сегодняшний день.

– Дорогая, я уже приехал, – хриплым голосом сказал мужчина.

– Милый, я так волнуюсь... – всхлипнула Инна.

– Успокойся, все будет хорошо. – Он почувствовал волнение супруги, и ему стало стыдно за то, что своим молчанием он заставил ее испытать тягостные моменты тревоги. – Тебе нельзя волноваться, милая. Я скоро приду, я уже рядом с домом.

– Я жду тебя, родной.

Геннадий вошел в квартиру, и ему навстречу тут же бросились все члены семьи: жена, сын и няня. Они ждали новостей – до сих пор врачи разводили руками и не знали, от чего лечить 15-летнюю девушку, из которой медленно уходила жизнь. А сегодня позвонил врач и назвал диагноз, который Гена не рассматривал вообще, – анорексия. По его отцовскому мнению, не было никаких предпосылок к тому, чтобы дочь добровольно отказалась от еды, а значит, и от жизни вообще. Анорексия – это серьезная психологическая проблема, которая не возникает за один день. Но в случае с Зойкой

все было именно так. Тот день, когда девочку забрали в больницу, был днем ее рождения. На 15-летие красотики-именинницы пришел почти весь класс. Шум, смех, музыка, куча подарков в углу гостиной, шикарный стол – все говорило о том, что в семье праздник. Зою поздравил и сводный брат, и Галина Павловна, и сам Гена, правда, пока по телефону, потому что возвращался из свадебного путешествия. Разговаривая с дочкой в аэропорту, мужчина не заметил, что девочка чем-то подавлена, напротив, она весело щебетала о том, как она соскучилась, как хочет залезть на коленки и слушать впечатления о поездке. Игривым тоном эта юная женщина спрашивала о подарках, которые она ждет от своего папы, а Гена в тон ей отвечал, что везет ей что-то очень-очень интересное... Воодушевленный такой беседой с дочкой, мужчина рвался домой, разом забыв о молодой жене, которая сейчас стояла рядом и пила минеральную воду из бутылочки. Вот уже родной подъезд показался из-за угла, и мужчина торопливо рылся в бумажнике, чтобы не задерживаться даже лишнюю секунду вдали от Зойки. Тормоза, расплата, хлопок дверью и...

Бледную как полотно Зою на носилках вынесли из дома врачи, а Галина Павловна бежала следом, утирая слезы. «Все было хорошо, пока я не принесла торт, – причитала пожилая женщина. – Она увидела его, вся сжалась, побледнела и потеряла сознание!» Молча выслушав няню, отец сел в машину «Скорой помощи» и поехал вместе с дочерью, благодаря

Бога за то, что он вовремя оказался рядом.

А вот теперь, по прошествии почти двух недель, врачи поставили диагноз, который шокировал Покровского. «Анорексия! – размышлял мужчина, смотря на встревоженные лица родных. – И как я им скажу, что мы вчетвером не уследили за девочкой и что-то сделали не так, из-за чего в ее психике возникли такие отклонения? Но сказать надо, они же волнуются ничуть не меньше, чем я... Хотя меньше, конечно, меньше, я же отец, я ее самый родной и близкий человек...»

– Они сказали, что это анорексия, – без приветствия начал Геннадий.

– Анорексия? Как? Почему? – всполошилась Галина Павловна.

– А что это? – тревожно спросил Арсений.

– Милый, что же делать? – выдохнула Инна.

Голоса зазвучали практически одновременно, поэтому Гена поморщился и жестом показал родным замолчать.

– Врачи долго пытались выяснить, чем же заболела Зоя. Они предполагали и менингит, и вирусы, однако анализы не подтверждали диагнозов. И лишь благодаря медсестре, которая ставила ей капельницу, все прояснилось. Оказывается, когда та вводила иглу в вену Зойке, девочка вдруг разволновалась. На вопрос: «Что случилось?» – она задала встречный вопрос: «А сколько калорий в том, что вы мне вливаете?» И тут женщина поняла, что проблема гораздо глубже,

чем предполагали врачи. К Зоечке пригласили детского психиатра, который подтвердил догадку медсестры, – у ребенка обезвоживание и истощение вследствие отказа от пищи.

– Но как же? – не переставала удивляться няня. – Как я могла посмотреть это?

– Вот именно это меня тоже волнует, – сурово ответил Геннадий, однако тут же смягчился. Он вспомнил случай из глубокого детства малышки. Однажды он поздно приехал домой с важной встречи. Тогда решался вопрос об открытии ток-шоу, посвященного здоровью, ведущим которого должен был стать именно он, Гена Покровский. Радостный, что дело так споро продвигается и переговоры прошли успешно, мужчина распахнул входную дверь и тут же почувствовал необъяснимую тревогу. И дело было не в мертвой тишине, которая окутывала пустые комнаты, и не в темноте, окружившей его. Какой-то страх словно растекся по всему периметру обычно теплого и радостного дома. Молодой отец ворвался в комнату дочери и увидел пустую детскую кроватку. От ужаса, испытанного им в тот момент, волосы зашевелились. Мужчина метнулся в комнату няни и, проходя по гостиной, увидел белый листок бумаги. «У Зои ложный круп. Нас увозят в детскую больницу имени Филатова». На ходу надевая куртку, Гена выскочил из квартиры и, нарушая все правила дорожного движения, помчался к дочери. Он ругал себя за то, что его не оказалось рядом, когда девочке нужна была помощь. Ворвавшись в приемный покой, он узнал, в

какой палате находится пациентка Покровская, и, перескакивая через ступеньки, помчался к ребенку.

В темной палате лежала его дочь – она спала, грудная клетка со свистом поднималась и опускалась, потные черные волосики прилипли ко лбу, нежные губки потрескались. Она была так хрупка и беспомощна, что сердце мужчины вырывалось наружу. Бледная няня сидела рядом с кроватью и тревожно вглядывалась в личико малышки.

– Что с ней? – чересчур громко спросил Геннадий. Гнев на себя, на няню, на жизнь захлестывал его, и он уже не мог совладать с эмоциями.

– У Зои ложный круп. Но все будет в порядке, так бывает у детей во время... – тихонько начала Галина Павловна.

– У детей может быть все, что угодно! – вскричал мужчина. – У других детей – пожалуйста! А моя дочь должна быть здорова!

Глаза женщины наполнились слезами, однако она нашла в себе силы поднять голову, спокойно посмотреть в лицо взбешенного отца и с достоинством ответить:

– Не кричите на меня! Я честно и преданно работаю у вас уже несколько лет. Вы врач и должны прекрасно понимать, что дети без болезней не вырастают. А своей истерикой вы ребенку не поможете.

Тон верной помощницы привел мужчину в себя, и он вдруг посмотрел на ситуацию со стороны. Волна стыда поднялась откуда-то из глубин сознания, и Гена сказал:

– Извините меня, Галина Павловна! Я совсем потерял голову от страха.

– Я понимаю, понимаю... – ответила няня, и из ее глаз полились слезы.

Геннадий очнулся от воспоминаний, которые весь день сегодня преследовали его, и снова посмотрел на членов семьи. Все трое продолжали стоять в прихожей, где происходил разговор, и молча смотреть на него.

– Мне бы хотелось выяснить, – более спокойным тоном продолжил Гена, – как, когда и почему заболела Зоя. Дайте мне раздеться, и мы все вместе пройдем на кухню и постараемся вспомнить все подробности, связанные с жизнью и здоровьем моей дочери.

Через полчаса семья собралась за круглым кухонным столом, Галина Павловна налила всем чаю, поставила на стол вазочку с печеньем и тарелку с бутербродами. Пожилая женщина понимала, что полноценно поужинать сегодня никто не сможет, как, впрочем, и все предшествующие дни, начиная с тех пор, как девочку положили в больницу, но тем не менее поесть что-то нужно. Геннадий положил перед собой всю справочную и учебную литературу, которую нашел в доме, касающуюся заболевания дочери, и первым заговорил:

– Галина Павловна, давайте вспомним, давно ли Зоя перестала есть?

– Мне кажется, что отказов от еды как таковых не было, –

начала вспоминать няня. – Даже не знаю, что сказать.

– Хорошо, давайте пойдём другим путем, – предложил мужчина, открыл одну из книг и начал читать. – «Импульс первый: насмешки окружающих, обидные прозвища, такие как «пышка», «пухлик», «толстуха» и др.».

– Не верю, что это могло иметь место, – сказала Инна, поглаживая свой выступающий животик. – Зоя – очень стройная девочка, вряд ли кому-то в голову пришло ее так обзывать.

– Я согласна с вами, Инна, – поддержала женщину няня. – У Зочки очень хорошая фигура, она стройненькая и красивая, и мальчики за ней табунами ходят.

– Ладно, продолжим. – Гена поморщился, представив, что за его крошкой ходят табуны ребят. Что-то похожее на ревность шевельнулось в нем и остро кольнуло сердце. – «Импульс второй: стремление к сохранению высокой самооценки, выработавшейся в детстве».

– Зочка у нас всегда была самой лучшей, – с любовью промолвила няня, и глаза снова наполнились слезами. – В школе – отличница, лидер класса; в музыкальной школе – звезда. А конкурсов музыкальных сколько она выиграла! Она же с четырех лет знает, что такое сцена!

– Да, – с улыбкой вспомнил Гена, как устраивал разные конкурсы детского творчества на телевидении, где к четырем годам дочери он был уже довольно известен. Нет, совсем не какой-то уникальный талант телеведущего сделал его вхо-

жим во многие кабинеты руководителей каналов, крупнейших продюсеров и лучших режиссеров страны, хотя, безусловно, Гена был совсем не плох на экране, абсолютно не боялся камеры, хорошо строил диалоги, был остроумен, обаятелен и молод. Однако таких талантов хоть отбавляй, а вот человека, обладающего широким диапазоном медицинских знаний, умеющего ставить точные диагнозы и назначать лечение прямо в кабинете, за чашечкой кофе, а также имеющего широчайших круг знакомых почти во всех клиниках, больницах и научно-исследовательских институтах любого уровня, так просто не найдешь. День за днем к Гене Покровскому обращались за советами, с просьбами устроить к лучшим врачам, достать необходимое лекарство, осмотреть ребенка и многими другими, а в качестве благодарности охотно шли навстречу почти во всех просьбах доктора-телеведущего. Таким образом, малышка Зоя участвовала в конкурсах, сделанных специально для нее, снималась в рекламах, бывала на разных фестивалях.

– Значит, этот вариант тоже не подходит, – сказала Инна.

– Подходит, – вдруг подал голос Арсений, который до этого хмуро молчал. – В детстве она была единственной, а сейчас – нет.

– Боже! – простонал Геннадий и обхватил голову руками. Он очень отчетливо помнил тот день, когда начала стремительно меняться жизнь их маленькой семьи, состоящей из него самого, его дочери и няни.

Глава 5

Почти год назад в студии, где Геннадий обсуждал с редакторами рабочие вопросы, вдруг раздался звонок. Пресс-секретарь Леночка подняла трубку, о чем-то очень долго говорила с абонентом, а потом вздохнула и позвала ведущего.

– Геннадий, извините, пожалуйста. Вам звонит какая-то женщина, говорит, что она ваша давняя знакомая, но называть имя и сообщать о причинах звонка отказывается. Что делать?

– Я поговорю с ней, не переживай, – легко согласился мужчина. Он думал, что это может быть кто-то, кому требуется совет врача, но кто стесняется назвать либо истинную причину, либо собственное имя. Такое часто бывало, когда звонили известные люди. И хотя почти у всех был номер его мобильного телефона, застать Покровского в студии было гораздо проще, чем дожидаться, когда тот увидит десятки пропущенных вызовов.

– Я вас слушаю, – красивым поставленным голосом произнес Геннадий, подмигнув Леночке.

– Привет, Гена.

– С кем я имею часть общаться? – спросил мужчина у невежливого собеседника.

– Меня зовут Татьяна. Мы с тобой учились в одной группе до пятого курса. Помнишь?

Геннадий не помнил... После смерти родителей и до появления дочери был отрезок, в котором был только Борис Львович, медицина и собственная боль. И хотя молодой человек продолжал общаться с огромным числом людей, эти лица никак не запечатлелись в его памяти.

– Извини, но я не помню, – сухо сказал Покровский.

– Неважно, – быстро сориентировалась женщина на том конце провода. – Мне очень нужно встретиться с тобой. В подтверждение своих слов я могу принести наши институтские фотографии, некоторые конспекты лекций и свою зачетную книжку.

– Зачем?

– Что «зачем»?

– Зачем нам встречаться?

– Поверь мне, это очень важно. Я обещаю, что все объясню при встрече.

– Хорошо, – что-то заставило мужчину согласиться. – Я могу через час возле «Останкино».

– Я подъеду, спасибо, – тихо сказала Татьяна и положила трубку.

– Привет, Гена, – сказала бледная женщина с сухой кожей, бедно одетая. Если бы мужчина не ждал встречи, то он бы подумал, что у него сейчас попросят милостыню.

– Привет, – совсем растерянно ответил Покровский.

– Наверное, ты совсем меня не узнаешь, но это не страш-

но, – мягким голосом продолжила Таня. – Я хотела бы предложить пройти в кафе и там поговорить спокойно. Мой рассказ займет какое-то время.

– Что ж, пойдём, – согласился мужчина. – Действительно, надо перекусить, как раз обеденное время.

Расположившись за столиком и сделав заказ, бывшие однокурсники внимательно разглядывали друг друга. Наконец, Татьяна нарушила молчание:

– Давай я сразу перейду к делу?

– Да, давай, – быстро согласился Гена. Он уже устал ломать голову над причиной появления этой женщины в его жизни.

– Летом после четвертого курса нас отправили на практику, – начала женщина.

– Да, помню что-то смутно... В какую-то даль заслали, – старался воскресить в памяти прошлое Покровский.

– Да, нас отправили в областную больницу, – согласилась Таня. – Мы там бесконечно бинтовали разбитые головы и рассеченные конечности... А жили на какой-то базе отдыха...

– Точно, – вдруг вспомнил Гена. – А по вечерам пили спирт с местными докторами и фельдшерами! Боже, ужасное было лето! Хорошо, что Борис Львович меня оттуда быстро забрал! Я и так был не в себе, а с таким количеством алкоголя вообще бы пропал!

– Да, – мягко согласилась Таня. – В то лето тебе действи-

тельно было не очень хорошо. И в один из таких вечеров, когда ты страдал от своей душевной раны, ты пришел ко мне, пьяный и несчастный. Ты, как голодный лев, бросился на меня и всю ночь терзал мое тело. Под утро ты вырубился, а проснувшись, ничего не сказал. К теме той ночи ты больше никогда не возвращался. Не возвращалась и я. Однако через пару недель мне все же пришлось это сделать – я забеременела.

– Как? – изумился мужчина. – Как забеременела?

– Не мне тебе рассказывать, – чуть улыбнулась женщина. – Ты врач, ты прекрасно знаешь, как это происходит. У меня нет к тебе никаких претензий и не было тогда, потому что я тебя любила и была счастлива носить твоего ребенка под сердцем. Я не хотела доставлять тебе сложностей, которых тебе и так хватало, не хотела ни к чему принуждать и навязывать ненужные тебе обязательства, именно поэтому перед пятым курсом я перевелась в Винницу, там закончила обучение, получила диплом и родила сына.

– Сына? – переспросил Геннадий.

– Да, сына. Я родила мальчика и назвала его Арсений. Так что у тебя есть 15-летний наследник, – грустно улыбнулась женщина. – Но попросила о встрече тебя я не для того, чтобы рассказать о последствиях той ночи. У меня рак... Умирать я вообще-то не собираюсь, но тем не менее хотелось бы, чтобы мой сын не остался сиротой при живом отце.

– Какая стадия? Каковы прогнозы? – переполошился Ге-

на. – Давай я посмотрю результаты анализов и покажу ведущим специалистам в области онкологии. Доверься мне, тебя осмотрят лучшие врачи России, я оплачу все, что нужно...

– Хороший мой, – ласково проговорила Татьяна. – Именно за это я тебя всю жизнь и любила, за твое доброе сердце, за твою преданность медицине, за твою отзывчивость и желание всем помогать. Но ты не забывай, я тоже врач, причем практикующий, в отличие от тебя. Я многое могу сделать сама, мне не нужна помощь, а вот Арсению она может понадобиться. Я договорилась о лечении в Германии – лучшие онкологи Европы будут меня оперировать. Они дают шанс, что я смогу победить болезнь, однако если нет...

– Я все сделаю, – тут же согласился мужчина. Он помнил, что такое остаться сиротой, помнил страшную пустоту в душе, которую ничем не заполнить. Тогда Борис Львович смог спасти его, теперь его очередь спасать мальчика, который может остаться один.

– У меня операция через месяц, – по-деловому продолжила женщина. – За это время нужно, чтобы ты официально признал Арсения своим сыном. Тогда в случае моей смерти его не смогут забрать органы опеки. Пока меня не будет, ему не обязательно жить с тобой – я понимаю, у тебя наверняка есть своя семья, однако было бы хорошо, если бы ты хоть иногда приезжал к нему, присматривал за ним. Он у меня очень самостоятельный мальчик, конечно, но все же ему только 15 лет.

– Таня, – накрыл своей теплой рукой холодную истощенную женскую руку Геннадий, – не переживай, я не оставлю сына одного. А теперь давай поедим – тебе нужны силы – и обсудим все детали.

В студию Покровский больше не вернулся – он отвез Таню домой, чтобы она не тратила денег и сил на дорогу. Гена хотел в этот же день познакомиться с сыном, но мать отказала ему в этой просьбе.

– Гена, пойми меня, – устало посмотрела Татьяна, – у нас с Арсением сейчас не самые хорошие времена, но мы держимся только потому, что мы вместе. Твое появление нарушит наше единство и внесет суматоху. Давай мы с тобой сделаем все дела, а я пока подготовлю Арсения к тому, что ты можешь появиться в его жизни. Если операция пройдет успешно и я останусь жива, ты можешь забыть об этом разговоре.

– Забыть? – возмутился Геннадий. – Ты в своем уме? Это мой сын! Моя кровь! Я обещаю, что не появлюсь у вас, пока ты не разрешишь, но финансово я всегда буду поддерживать его и тебя.

– Зачем? – безучастно спросила Таня. – Я сама могу позаботиться о своем ребенке. К тебе я обратилась только для того, чтобы в случае моей смерти Арсения не забрали службы опеки.

– Затем, что я хочу дать вам все, что необходимо, – произнес мужчина металлическим голосом. – И я имею на это полное право.

– Хорошо, я не буду с тобой спорить, Гена, – согласилась наконец женщина.

Геннадий ехал домой и думал, как сказать Зое о том, что у нее есть брат, но потом решил не тревожить дочку: в конце концов, есть еще месяц до операции Татьяны, а значит, девочка может еще спокойно побыть единственным любимым ребенком. Мужчина вернулся к обычной жизни, лишь иногда встречаясь с бывшей однокурсницей, чтобы решить вопросы с документами и передать некую сумму денег, которая сейчас была нужна ослабевшей от страшной болезни женщине и ее сыну-подростку.

Глава 6

Арсений сидел за столом и вспоминал, как впервые увидел свою сестренку, которая сейчас лежала в больнице. Молодой человек чувствовал и свою вину за происходящее.

– Папа, это я во всем виноват, – упавшим голосом произнес юноша. – Если бы я не появился в вашей жизни, Зочка была бы здорова.

– Не надо брать вину на себя, – строго сказал отец. – Ты ни в чем не виноват с самого начала. Это я не подготовил свою дочь к тому, что в нашем доме появится еще один член семьи, это я не смог показать, что в моем отношении к ней ничего не изменилось. Если мы правы и ее болезнь действительно из-за того, что она почувствовала себя обделенной вниманием, то это только моя вина.

Геннадий вспомнил тот день, когда привез Арсения в их дом. С утра он отвез Татьяну в аэропорт, несмотря на протесты женщины.

– Я поеду на такси, – настаивала Таня в телефонном разговоре. – Я позвонила только для того, чтобы поставить тебя в известность.

– Таня, не перечь мне! – злился мужчина. Он с утра был в дурном настроении: Борис Львович плохо себя чувствовал, что очень тревожило Гену, а у Зои вчера из кармана выпала пачка сигарет, и это привело его в шок. Конечно, уже с утра

между отцом и дочерью произошел серьезный разговор, который закончился скандалом и взаимными обидами, а потом позвонила Таня...

– Хорошо, заезжай, я тебя жду, – наконец согласилась женщина. По голосу чувствовалось, что ей страшно и очень тяжело, именно поэтому она не стала спорить с мужчиной. И Гена, хлопнув дверью и не попрощавшись с Зоей, вышел на улицу.

«И что мне делать? – размышлял Покровский. – Зойке я так и не сказал о сыне, так мы еще и поругались... Зря я так накричал на девочку, конечно, но курить в 14 лет?! У нее же в детстве ложный круп был, а она свои легкие засоряет такой страшной гадостью! И голос ее прекрасный! Зачем она портит то, чем так щедро одарил ее Бог?! Если бы мы не поскандальили с утра и она не разобиделась, я бы спокойно поговорил с ней, рассказал об Арсении... А теперь что делать?»

Наконец оказался знакомый дом, к которому за последний месяц Геннадий подъезжал неоднократно. Возле подъезда ждала Таня: она стояла, прислонившись к стене, и вытирала слезы, которые текли по ее лицу ручьем, потухшим взглядом она осматривала окрестности, будто прощаясь с ними. Гена выскочил из машины, подбежал к однокурснице, прижал ее к себе крепко-крепко и зашептал на ушко: «Держись, все будет хорошо... Только держись. Мы с сыном будем тебя ждать». Потом мужчина взял небольшую сумку, с которой Таня ехала в больницу, бережно посадил женщину на пасса-

жирское сиденье, закрыл за ней дверь, а сам сел за руль.

– Где Арсений? Он не поедет с нами? – тихо спросил Гена.

– Нет, я ему не разрешила меня провожать, – дрожащим голосом ответила Татьяна. – У меня больше нет сил держать-ся и делать вид, что все хорошо.

– Танечка, – принялся успокаивать Покровский, – это же Германия, там лучшие врачи Европы.

– Мне страшно, Гена, – разрыдалась женщина, – мне так страшно, и я так устала!

– Ну-ка возьми себя в руки, – скомандовал водитель, выезжая на Каширское шоссе. – Ты же врач, ты прекрасно знаешь, как важен настрой для выздоровления. Ты просто устала, но это пройдет.

Геннадий всю дорогу что-то говорил Тане, желая отвлечь ее от страшных мыслей. Ему очень хотелось вселить в мать его ребенка уверенность в завтрашнем дне, веру в свои силы и в то, что она обязательно вернется в Москву после успешно проведенного лечения. Вдалеке показалось здание аэропорта, и женщина вся сжалась. Геннадий увидел реакцию спутницы, но промолчал – Татьяна через несколько минут останется одна, а значит, должна быть готова самостоятельно справляться с эмоциями.

Возле стойки паспортного контроля Гена задержал Таню – он прижал к себе хрупкую измученную женщину, нежно поцеловал в истрескавшиеся губы и сказал:

– Танечка, держись, только держись. Я сегодня же заберу

Арсения домой, так что о сыне не беспокойся. Когда прилетишь, отправь сообщение или позвони – денег на телефон я тебе положу прямо сейчас, чтобы ты всегда могла связаться с нами. Когда будут известны последние анализы, тоже позвони – я хочу знать все нюансы твоего лечения. Когда назначат дату операции, сообщи.

– Гена, не суетись, – чуть улыбнувшись, остановила женщина обеспокоенного Покровского. Она уже взяла себя в руки и могла снова отдалиться от человека, которого всю жизнь безответно любила. – Мы с тобой не муж и жена, мы посторонние люди.

– Ты что такое говоришь? – возмутился Геннадий. – Ты мать моего ребенка! Ты моя однокурсница! Ты мой друг и женщина, которая нуждается в моей помощи. Если не позвонишь, я сам буду тебе названивать. И Арсения подключу.

– Хорошо, я буду тебе звонить и держать тебя в курсе, – быстро согласилась Таня. Она опять готова была расплакаться от той заботы, которой окружил ее Гена и которой у нее никогда не было. – Спасибо тебе за все... Спасибо...

Татьяна развернулась и быстро пошла в зону ожидания вылета, оставив мужчину за чертой, куда нет доступа. Геннадий грустно посмотрел в спину Тане и отправился за сыном.

– Добрый день, Геннадий, – сказал высокий юноша, которого можно было бы назвать красивым, если бы не подростковая угревая сыпь, покрывавшая его благородное лицо.

– Привет, Арсений, – Гена обаятельно улыбнулся мальчишке.

– Проходите, – вежливо пригласил сын. – Можете не снимать обувь. Я не мыл полы после маминого отъезда – говорят, что это плохая примета.

– Правильно, – похвалил Покровский. – Тебе мама рассказала обо мне?

– Да, вы мой отец, – спокойно ответил молодой человек.

Гена растерялся от такой открытости мальчика и поэтому молчал.

– Хотите чаю? – вдруг спросил маленький хозяин дома и вымученно улыбнулся.

– Да, спасибо, – согласился от неожиданности гость и прошел на кухню.

Геннадий осматривал квартиру, где долгое время жил его отпрыск. Все, что видел мужчина, явственно говорило о затруднительном материальном положении семьи, и стыд за то, что его не было рядом все 15 лет жизни Арсения, обжигал душу.

– Вы не думайте, что нам очень плохо жилось, – сказал пронизательный сын, ставя чайник на плиту. – Моя мама подарила мне счастливую жизнь, дала мне все, в чем я нуждался... Ну и я маме помогал, как мог. Ей же трудно одной было все-таки.

– Прости меня, я просто не знал о том, что ты есть на этом свете, – вырвалось у Геннадия.

– Все нормально, – по-взрослому ответил мальчик. – Я ни в чем не нуждался. И сейчас не нуждаюсь, но спасибо, что заехали навестить меня.

– Арсений, – с удивлением сказал Гена, – боюсь, что ты не понял цель моего визита. Я приехал забрать тебя к себе домой. Мне бы не хотелось, чтобы ты жил один.

– Не беспокойтесь, я справлюсь, – уверенно сказал юноша. – Я привык быть один. Мама же на «Скорой» работала.

– Сынок, – настойчиво произнес Покровский, – так было до тех пор, пока я не знал о твоём существовании. Теперь ты член моей семьи, а значит, пока мама не вернется, будешь жить со мной. Возьми то, что тебе необходимо, остальное купим по дороге.

– Мне ничего не надо, у меня все есть, так что не стоит тратить деньги на это.

– Хорошо, не буду с тобой спорить, – согласился мужчина. – Я посижу здесь, попью чаю, а ты пока собирайся.

Арсений ушел в комнату, чтобы собрать свои немногочисленные вещи, а Геннадий остался на кухне и стал обдумывать сложившуюся ситуацию. «Что делать? Заявиться сейчас домой вместе с Арсением и представить его своим сыном? Или позвонить Зое и предупредить ее о новом родственнике по телефону? Нет, такие вопросы так не решаются. И почему я не догадался поговорить с дочерью заранее?» Пока мужчина терзался от невозможности принять верное решение, мальчик собрался, по-хозяйски прошел по квартире, осмот-

рел ее и поставил полиэтиленовый пакет с вещами в коридоре.

– Отец, я готов, – голос Арсения дрогнул, но он уверенно посмотрел мужчине в глаза.

– Хорошо, поехали, – Геннадий решил не акцентировать внимание на важном слове, которое произнес юноша. – По дороге я тебе расскажу про твою новую семью.

Глава 7

Зоя открыла дверь и застыла с каменным лицом: на пороге стоял отец, который с утра орал на нее как ненормальный, и прыщавый подросток.

– Зочка, привет, моя родная, – как можно мягче сказал Геннадий. Он решил не возвращаться к утреннему скандалу, девочке и так будет нелегко.

– Здравствуй, – хмуро ответила дочь и сделала шаг назад.

– Милая, познакомься, это Арсений, он будет жить с нами.

– Это с чего это вдруг? – дерзко спросила девушка.

– Зайка, дай нам раздеться, и я тебе все объясню, – попросил отец.

Зоя хмыкнула, развернулась и пошла в свою комнату, всем своим видом показывая, что разговор ей не интересен.

– Дочка, не уходи, – крикнул вслед мужчина. – Давай поговорим!

– Ага! Мы сегодня с утра уже поговорили! Мне вполне хватило!

– Отец, не надо, – вдруг подал голос сын. – Давай я поживу у себя, ничего страшного, я привык сам о себе заботиться. Тем более мне оттуда в школу ближе ходить.

– Нет, Арсений, – остановил Геннадий. – Ты мой сын и будешь жить в моем доме, пока твоя мама не поправится.

– Сын?! – вдруг раздалось из гостиной. Зоя вышла все-

таки из своей комнаты. – Моя мама родила меня в 16 лет, а его тогда во сколько?

Арсений покраснел и не знал, куда деться. Ему совсем не хотелось стать причиной ссор в этом доме. Галина Павловна почувствовала, что отцу и дочери нужна помощь, вышла из кухни и подошла к девочке.

– Зайка, дай своему отцу сказать хоть слово. – Няня обняла Зою. – Мойте руки и пойдёмте ужинать, как раз все готово.

Гена с благодарностью посмотрел на хранительницу их семейного очага и, подтолкнув Арсения в сторону ванной комнаты, улыбнулся дочери. Девочка смотрела на него с каменным лицом.

Все сели за круглый стол и устались в тарелки. Геннадий нарушил затянувшуюся тишину:

– Зайка, послушай. Я хотел заранее тебя подготовить к этой новости, но так получилось, что просто не успел. Когда я был студентом, мы с мамой Арсения провели одну ночь вместе. Я не буду рассказывать тебе об обстоятельствах, приведших к тому, что случилось, тебе не надо это знать... После той ночи меня быстро забрал твой дедушка в Иркутск, а Татьяна еще оставалась на практике. В начале учебного года ее уже не было в нашей группе. Именно поэтому я так и не узнал, что в результате моей... халатности на свет появился мальчик. Сейчас мама Арсения очень больна. Сегодня я

отвез ее в аэропорт, откуда она улетела в Германию, чтобы сделать сложнейшую операцию, а сын остался совсем один в этом городе. Я чувствую ответственность за то, что этот ребенок был обделен моей заботой столько лет, поэтому и привел его к нам, пока его мама проходит лечение. Я надеюсь, что мы все станем одной семьей и ты поможешь своему брату пережить это испытание.

– Он мне не брат, – фыркнула девочка. – И если ты помнишь, мамы у меня тоже нет, так что он не более несчастен, чем я.

– Зюечка, – вмешалась Галина Павловна в разговор, – у тебя всегда был папа, который тебя очень любит, бабушка и дедушка, приезжающие к тебе в гости, и я у тебя всегда была, есть и буду. А у Арсения нет больше никого, кроме мамы, нуждающейся в серьезном лечении за границей.

Зоя потупила глаза, долго молчала, а потом выдавила из себя:

– Хорошо, пусть живет. Только не в моей комнате.

Арсения поселили в кабинете Геннадия. Отец очень извинялся за то, что у них в доме нет комнаты для сына, однако мальчик был поражен богатством дома, удобствами, которые его окружают, и огромной библиотекой изданий медицинской тематики, оказавшейся в свободном доступе. Юноша мечтал стать врачом, как мама, поэтому с жадностью поглощал всю профессиональную литературу. Сейчас для него

открылся целый мир, недоступный ранее. Покровский смотрел на сына, который тут же вцепился в справочники и научные монографии, и видел себя молодого, которого привел когда-то за руку Борис Львович в свою комнату после страшной трагедии. Гена понимал, что сейчас он делает все правильно – это его плата за то, что когда-то он остался жив и стал тем, кем он стал. «Круг замкнулся», – подумал мужчина и улыбнулся. Какой-то покой поселился в его душе.

Глава 8

Гена, Арсений, Галина Павловна и Инна сидели за столом, пытаясь найти причину болезни девочки.

– Не казните себя, Геннадий Матвеевич, – мягко сказала няня и погладила мужчину по руке. – Мне кажется, что вы очень достойно вели себя в те дни с девочкой. Вы прекрасный отец и ничем не обделили дочку.

– Ладно, читаем дальше, – продолжил Покровский. – «Импульс третий: обретение собственного идеала красоты и осознание несоответствия ему».

– Собственный идеал красоты? – переспросила Галина Павловна. – Я с девочкой каждый день общалась, ни разу от нее не слышала рассуждений о чьей-либо красоте.

– Мне она говорила, что я очень красивая, – вдруг вспомнила Инна, – но не думаю, что это имеет отношение к болезни.

– Может, и имеет, – промолвил Гена и начал вспоминать дальнейшие события, которые происходили в тот сложный для всех год.

Дочь и сын почти не общались в первую неделю. Арсений старался быть мягким и уступчивым, беспрекословно слушался отца и няню, прекрасно учился и никогда ни на что не жаловался. Зойка же в те дни была капризна, часто дулась и грубила всем подряд, но день за днем она оттаивала, и вот

уже стычки между подростками стали сменяться разговорами за чашкой чая и редкими совместными шалостями. Галина Павловна и Геннадий вздохнули с облегчением, решив, что все сложности остались позади. Однако жизнь преподнесла им еще один удар.

– Отец, – подошел Арсений, – у мамы через неделю операция. Мне страшно за нее. Она там совсем одна. Mamочka очнется от наркоза в чужой стране, с чужими людьми, и совсем никого рядом с ней не будет. Мне очень стыдно, но я хотел бы нарушить слово, данное ей, и полететь туда. Ты не мог бы меня отправить в Германию?

– Ты прав, сынок, – отозвался мужчина. – Завтра же я займусь билетами и проживанием. Ты замечательный человек, Арсений. Твоя мать очень хорошо тебя воспитала, я горжусь тобой.

В этот момент зазвонил телефон, и Покровский отвернулся от мальчика. Сын вышел из гостиной, чтобы не мешать разговору. А через некоторое время мужчина пришел на кухню, где собрались все члены семьи, и сказал:

– У дедушки большие проблемы с сердцем. Завтра он прилетает в Москву – здесь его будут оперировать.

Зоя подняла огромные глаза на отца и сжала губы. Было видно, что девочке вдруг стало страшно, что ее жизнь вот-вот разрушится, разлетится на мелкие частички.

– Я хочу видеть дедулю, – прошептала она.

– Конечно, милая, – откликнулся отец и погладил дочь по

голове. – Мы с тобой поедem встречать дедушку и проводим его в больницу. Заодно я поговорю с врачами. Он прилетает днем, но в школу ты можешь не ходить.

Зоя кивнула и прижалась к няне.

В аэропорт Геннадий с Зоей прибыли раньше времени. Поняв, что до прилета остается еще больше часа, отец и дочь направились в кафе. Есть не хотелось совсем – слишком тревожно было на душе, но стоять в зале ожидания и всматриваться в лица выходящих людей, безнадежно пытаться отыскать единственное родное, – еще хуже. Гена взял под локоть дочь и повел в сторону столиков. Проходя мимо стеклянных окон здания аэропорта, мужчина вдруг увидел отражение красивейшей пары и с удивлением отметил, что видит именно себя и Зою. Впервые Покровский посмотрел на девушку глазами мужчины, а не отца. К 14 годам его крошка вдруг превратилась в юную женщину: детская фигурка приобрела соблазнительные изгибы; жесты, манеры и взгляд стали манящими. Изменения произошли и в одежде – теперь в гардеробе были обтягивающие джинсы, коротенькие курточки и кофточки, высокие каблочки. В таком образе уже в 14 лет девочка была дико сексуальна. Весь час, что папа с дочкой просидели в кафе, Геннадий ловил себя на том, что смотрит на дочь глазами мужчины, и очень смущался от такого открытия. Наконец объявили о том, что самолет совершил посадку.

Бориса Львовича везли на каталке работники аэропорта, Екатерина Леонидовна шла сзади, везя за собой чемодан. Когда мужчина увидел профессора, то сразу понял, что дела совсем плохи. Лицо больного было синюшным и отекшим, взгляд потускнел, а все вещи болтались на изнеможенном теле как на вешалке. Зоя бросилась к бабушке:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.